

Как известно, Шекспир дал название своей комедии в честь самой бурной, самой веселой ночи, венчавшей рождественские праздники. Одни шекспиловеды считают это название почти случайным, не связанным с содержанием пьесы, другие ищут более глубокие аналогии, напоминая, что «Двенадцатая ночь» — последняя из веселых комедий великого драматурга.

Хореограф Б. Эйфман решил воспринять это название как указание на стиль пьесы. На протяжении двух актов балета, в нем почти непрерывно царит безудержное веселье — своего рода карнавал в сказочной стране Иллирии. Красочные декорации и великолепные костюмы (художник М. Азизян) услаждают наш взгляд. Богатейшая фантазия постановщика радуется обилию сольных и массовых танцев, полных юмора (порой не без солоноватого привкуса), иронии и сарказма. «Правят» этим «балом» бесшабашный сэр Тоби, незадачливый кавалер Эндрию и разбитная служанка Мария. Немного сопротивляясь карнавальному духу и прочие герои, «Лишь герцог Орсино пытается существовать в выдуманном мире идеальной и потому неразделенной любви к прекрасной графине Оливии (отметим здесь забавную пародию на штампы романтической хореографии: воображаемая возлюбленная мелькает в видениях Орсино траурной Сильфидой).

Однако в мире карнавалных радостей нет места долгой грусти и печали, и в финале герцог уступает напору влюбленной в него Виолы. Более жестоко дух безраздельного веселья расправился с самовлюбленным честолюбцем Мальволио. Он обманут в своих «лучших мечтах» (еще одна саркастическая пародия — на этот раз на обветшалые триумфы балетов эпохи классицизма), унижен, казалось бы, до предела — смиренная рубашка безумца, куда уж дальше. Но

здесь это только шутка, и вот уже в финале Мальволио проскакивает под опускающийся занавес и пытается одиночно принять бурю аплодисментов зала.

Позвольте, может поинтересоваться дотошный поклонник Шекспира, а где же в этом балете знаменитый Шут? Где лирические герои: нежная и находчивая Виола и ее храбрый брат — близнец Себастьян? Где полнейшая неразличимость их облика и связанные с этим сюжетные коллизии? Кое-что,

становщиком более важным сходством — сходством внутренним. Эта мысль выявляется в великолепно задуманном трио — Оливия любит переродетой сестрой, которую она принимает за юного пажу, а фактически танцует с ее братом. Любовь выдуманная уступает место любви реальной. Справедливость требует заметить, что этот замысел не слишком последовательно проводится в спектакле. Казалось бы, после такого трио уже не нужны более передевания Се-

что Петипа создал «Раймонду» в восемнадцать лет. Однако для многих современных хореографов именно первое десятилетие — время наибольших творческих удач. Уже сегодня сочинения Эйфмана не слишком похожи на то, что он ставил, скажем, пять лет назад. Непрерывно обогащается его пластический язык, порой ополмя зритель обилием оригинальных движений и позировок. Возросло умение строить спектакль как единое целое. Желание и умение добиться от ис-

«ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ»

действительно, исчезло. За чем, например, нужен в спектакле Шут, если здесь шутят и забавляются все остальные? А близнецы есть, но в балете они не разлучены стихийным бедствием, а действуют, так сказать, «совместным фронтом»: более решительная (может быть, даже слишком решительная) сестра добивается благосклонности Орсино, а брат, переродившись монашкой (!), ищет и находит любовь Оливии.

По размышлении зрелом видишь и просчеты в некоторых сюжетных трансформациях. Чем, скажем, мешал самодовольный Мальволио именно Виоле, которая в балете организуется против него коварнейшую интригу? Зато внешняя жесткость близнецов заменена по-

бастьяна, почти роковое влечение Оливии к переродетой сестре и т. п. Здесь, на наш взгляд, хореограф, отступив от буквы Шекспира, не смог до конца поверить самому себе.

Как уже было сказано, «Двенадцатая ночь» — балет двухактный. Для коллектива, ставившего до сих пор лишь миниатюры и одноактные балеты, это определенный этап зрелости. Создание большого сюжетного хореографического спектакля невозможно без овладения как пластическим, так и актерским мастерством. Новая работа показала, что большинству исполнителей по плечу психологическая простота шекспировских персонажей. Зрелым мастером, которому подвластно создание абсолютно разноплановых характеров, выглядит сегодня В. Михайловский (Мальволио). Безусловно выросли В. Морозова (Оливия), И. Емельянова (Мария), С. Фокин (сэр Тоби), В. Мухомедов (Орсино). Колоритен и точен И. Савицкий (Эндрию, Эгьючик). Вероятно, станет более уверенным и творческим почерк О. Калмыковой (Виола) и А. Гордеева (Себастьян). Опыт показывает, что исполнительские удачи обычно «дозревают» в балетах Эйфмана.

Безусловно выросло и мастерство балетмейстера. Некоторые по привычке числят Б. Эйфмана среди молодых, а между тем за его плечами уже около пятнадцати лет хореографической деятельности. Кому-то это может показаться сроком небольшим, особенно для балетмейстера, — известно,

полнителей глубины прорисовки характеров — также характерная черта сегодняшнего Эйфмана.

Но кое-что и настораживает. В последних спектаклях («Безумный день», «Легенда», «Двенадцатая ночь») уже не увидишь (точнее, не ощутишь сердцем) тех эмоциональных взрывов, всплесков, которыми были полны «Двауголосие», «Вумеранг», «Идиот». Мне могут возразить, что ныне Эйфмана влекут иные темы, иные жанры. Но это-то и показательно и... грустно. Ведь «на Эйфмана» ходит зритель несколько иной (в том числе и зритель молодой), чем, скажем, на «Спящую красавицу» и даже на «Тщетную предосторожность». Не только иной, но, видимо, и за иным. Привлекает прежде всего ощущение более живого, непосредственного контакта с происходящим на сцене. Ищут и находят отклик на свои, сегодняшние мысли, заботы, настроения, при этом в форме, доступной каждому. Это эмоциональное сопереживание — это тот «золотой ключик», который открывает зрителю темы и замыслы любой сложности. Такой интерес зрителя, такое внимание не столько награда, сколько ответственность. На сердечное влечение можно ответить только сердцем. Все это не укор хореографу, а лишь «информация к размышлению». Ну а если о «Двенадцатой ночи», то это зрелищный комедийный балет, полный юмора и фантазии.

А. ДЕГЕН
Фото Н. Разиной